Ю. А. КРЕСТИНСКИЙ

Толстой почти никогда не работал по вечерам, потому что состояние творческого напряжения проходило у него не скоро и после работы допоздна неизбежной была бессонница.

В тот памятный вечер Алексей Николаевич изменил своему обычному правилу. Часы давно пробили полночь, вдоль забора дачи пропыхтел паровоз последнего барвихинского поезда на Москву, а Толстой продолжал работать. Из кабинета доносилось постукивание пишущей машинки. Его сменял толстовский, высокого тембра голос. Приглушенные дверью и бревенчатыми стенами, звучали в тишине загородного дома отдельные фразы. Иногда они повторялись — Толстой произносил их с разной быстротой, ударениями, ин-

тонациями. Проверялось каждое слово, точно взвешивалось. То ли оно? На месте ли? Голос умолк. Наверное, теперь, стоя у конторки, Алексей Николаевич правил машинопись или писал дальше от руки. Шаги к столику... И снова стучала машинка...

Толстой работал над финалом романа «Хмурое утро». Более двадцати лет прошло с тех пор, как было начато повествование о сестрах Кате и Даше. Оно разрослось в трехтомную эпопею о русском народе и вот сейчас подходило к концу.

Уже несколько дней Алексей Николаевич напряженно писал последнюю главу и сегодня, подойдя к финальной сцене, не хотел откладывать ее завершение. Ему казалось, что завтра, в воскресенье, уже не достанет сил — лучше кончить сегодня же. Впереди предполагался отдых, потом возвращение с новыми силами к оставленному на время Петру Первому, его соратникам и врагам, а в дальнейшем — поиски истоков русского национального характера в проступающей через туман веков эпохе Ивана Грозного, художественное воссоздание его личности, вызывающей яростные споры многих поколений историков и художников. Таковы были планы на ближайшие два-три года.

Короткая июньская ночь кончалась. За окнами посветлела полоса неба над сосновым бором, когда была поставлена последняя точка в трилогии. Окончен огромный труд, вобравший долгие раздумья о Родине, о русских людях, мучительные и радостные искания большой человеческой правды.

В ту ночь с субботы на воскресенье на даче в Барвихе, в столовой, ждали Людмила Ильинична, гостившая у нее подруга детства и я, когда Толстой с рукописью в руках вышел из кабинета. Взволнованный, возбужденный, он как будто все еще видел перед собой только что созданную картину. Провел рукой по лицу, словно умылся,— жест, в котором сказалась усталость сегодняшнего чрезмерно длинного рабочего дня.

У обеденного стола Алексей Николаевич стал читать заключительную сцену. Временами он останавливался, вносил небольшие исправления, отмечал «царапнувшие» ухо строчки. Жизнеутверждающе и гордо звучат фи-

нальные фразы: «Мир будет нами перестраиваться для добра... Мы за баррикадами боремся за наше и мировое право — раз и навсегда покончить с эксплуатацией человека человеком».

В тот самый час, когда впервые прозвучали эти человечнейшие слова, фашистские армии по команде бесноватого фюрера двинулись на нашу землю. Наступающий день стал первым днем Великой Отечественной войны.

Последняя страница рукописи «Хождения по мукам» подписана автором и датирована «22 июня 1941 года». Толстой ставил эту дату в ночь субботы на воскресенье, не предполагая в то время, какой смысл она обретет, какой вехой станет в мировой истории.

Вспоминается, как после чтения финала, за бокалом сухого вина с ломтиком сыра, Алексей Николаевич развивал планы предстоящего отдыха. За окнами рассвело.

Воскресное утро выдалось солнечное, жаркое. Алексей Николаевич еще не вставал, когда на дачу пришла страшная весть. Включили радиоприемник. С той станции, откуда еще вчера слышались вальсы Штрауса, сейчас сквозь треск электрических разрядов доносились злобно-лающие выкрики. Истерический голос, пришепетывая, чернил Советский Союз. Стрелка скользит по шкале к московской радиостанции. Пришел Алексей Николаевич. Он еще в халате. Ничего не спрашивая, стал у приемника, наклонил голову, стараясь не пропустить ни одного слова из правительственного сообщения.

Из репродуктора неслись взволнованные, но полные уверенности и силы слова: «Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Война!.. Она давно нависла страшной угрозой, и все же ее начало было неожиданно, как удар в спину. В сознании не сразу вырастало понимание размеров надвинувшейся общенародной беды.

Обманчиво надеяться на память, чтобы восстановить во всех подробностях тот день. Впечатления нагромождались и сбивали друг друга. Но основное запомнилось хорошо. Алексей Николаевич сразу же решил ехать в город. Уже готовый к отъезду, ожидая машину, он вышел в сад. Здесь, за перекопкой земли, посадкой и подрезкой цветов, обычно проходил его отдых. Здесь он как бы «выключался» из творческого, рабочего состояния. Около цветов, посаженных его руками, и разговоры обычно шли о цветах.

На этот раз Алексей Николаевич, подрезая крону слишком бурно разросшейся штамбовой розы, говорил о фашизме, о войне. С присущим ему огромным оптимизмом он значительно сокращал (как показало будущее) сроки разгрома врага, но в то же время не закрывал глаза на предстоящие тяжелые испытания. Будет очень трудно, но победить советских людей нельзя, потому что невозможно остановить развитие прогресса. Фашизм бессилен это сделать. Такова была основная мысль Алексея Николаевича. Речь шла и о сырьевых ресурсах, которыми богата наша страна и которых нет у Германии. Толстой утверждал, что фашисты нищи морально и бедны материально — они обречены.

Алексей Николаевич говорил, как всегда, образно, неторопливо, внешне спокойно. Только по тому, как щелкал секатор в его руках, захватывая подчас больше ростков, чем нужно, было видно, насколько он взволнован, как напряженно думает о войне. Ни одного слова не было сказано о рухнувших надеждах на отдых после окончания романа, о планах, обсуждавшихся минувшей ночью. Все личное отошло в сторону. Само собой разумелось, что надо снова и немедленно браться за перо. Уже в машине, по дороге в Москву, Алексей Николаевич стал строить планы своего участия в общенародной борьбе. Он как-то сказал, что ему легче написать рассказ или повесть, чем короткую, в несколько страниц, статью. Но когда началась война, Толстой, хорошо понимая оперативность, массовость и действенность публицистики, решил в первую очередь взяться за это оружие литератора, возможно скорее помочь своим творчеством перестройке страны на военный лад. Прямо с дачи Алексей Ни-

колаевич поехал в Радиокомитет, а затем в редакцию центральной газеты сговориться о своей работе.

27 июня в «Правде» появилась первая военная статья Толстого «Что мы защищаем».

* * *

ДАНИЛА АПОСТОЛ

Видеть своих героев с ясностью галлюцинации, знать о них всю подноготную, чувствовать все, что чувствуют они, жить среди них и за них — все это Толстой считал необходимым для создания полнокровных художественных образов.

Алексей Николаевич придумывал и продумывал во всех деталях внешность, одежду, характер и биографию даже второстепенных персонажей. Если это была историческая личность, Толстой, изучив все сведения о ней, домысливал то, что не давали документы. О каждом действующем лице писатель знал гораздо больше, чем то, наиболее характерное, что вносил в повествование.

Один небольшой эпизод показывает, как в процессе создания образа в сознании Толстого могли иной раз даже сместиться представления о том, что ему известно об этом персонаже, что написано, что предстоит написать.

В третьей главе третьей книги романа «Петр Первый», над которой Алексей Николаевич работал в последний год жизни, есть сцена, где незадачливый союзник русского царя — польский король Август, несмотря на опасность, угрожающую ему со стороны шведской армии Карла XII, беспечно пирует у родовитого поляка — пана Собещанского. Неожиданно на пиру появляются князь Голицын и наказной казачий атаман Данила Апостол. Посланные царем Петром, они привели на помощь Августу русские полки. Такой факт имел место в истории, и автор «Петра Первого» ввел его в роман.

Среди многочисленных гравюр и живописных портретов современников Петра Первого, просмотренных Толстым за многие годы изучения Петровской эпохи, ему не встречался портрет Данилы Апостола. Не было описания его внешности и в исторических документах.

В пиршественную залу к пану Собещанскому писа-

тель привел наказного атамана таким, каким подсказало ему художественное воображение: черноволосым, черноглазым, загорелым, плечистым и статным красавцем. Казалось, автор сам любовался атаманом.

Вскоре после того, как глава с этим эпизодом была закончена,— в начале мая 1944 года — Алексей Николаевич по делам Чрезвычайной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний поехал в недавно освобожденный от блокады Ленинград. Среди множества дел Алексей Николаевич находил время для встреч со своими ленинградскими друзьями, пережившими блокаду. Состоялась встреча и с несколькими антикварами, которых издавна объединяли с Толстым увлечение стариной и обоюдное уважение — как знатоков в этой области. Антиквары, обрадованные приездом Толстого, преподнесли ему живописный портрет Данилы Апостола, выполненный с натуры каким-то неизвестным художником. Друзья Толстого, делая этот подарок, не представляли, как он ко времени и какую вызовет реакцию.

Мне довелось быть уже при второй встрече Алексея Николаевича с портретом своего героя. Толстой принес его в номер гостиницы запакованным, поставил на диван, сбросил шляпу и, не снимая пальто, стал освобождать картину от веревок и бумаги.

— Вот, полюбуйтесь,— сказал он.— Теперь весь роман надо переделывать заново...

Толстой, раскуривая трубку, восхищался искусством неизвестного художника, приводил доказательства того, что портрет написан с натуры, и снова горько сетовал на необходимость переделки романа.

На мой недоуменный вопрос — почему? — Алексей Николаевич, уже начиная сердиться на меня за непонимание таких простых вещей, быстро показал трубкой на изображение Данилы Апостола — рыжеватого, с плешинкой, со светлыми усами, висящими двумя мочалками под длинным крючковатым носом. Один глаз прикрыт безжизненным веком. Атаман, как видно, окривел в бою с польской шляхтой. Действительно, красавцем Данилу назвать было трудно.

— Он же у меня совсем не такой...Три главы к черту полетели!.. Все надо заново... — не на шутку волновался Алексей Николаевич.

Созданный воображением писателя образ был для него настолько четок, определенен, полнокровен, что за время поездки, пока Толстой не работал над романом, в его представлении совместилось то, что было придумано о Даниле Апостоле, с тем, что было написано. Ему казалось, что об этом персонаже в романе уже сказано очень много.

Только перелистав рукопись, Алексей Николаевич убедился, что Даниле Апостолу в первых трех главах уделено всего несколько фраз. Помню, как он тут же легко их переделал. Тогда и появился новый штрих, характеризующий облик казачьего атамана: «В едином глазу — ночь, озаряемая пожарами гайдамацких набегов...»

1955